

УДК 130.2

DOI: 10.34670/AR.2023.42.66.017

Философско-культурологические аспекты проблемы угнетения и власти: к вопросу об идентичности жертвы

Благородова Елена Александровна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры теории культуры, этики и эстетики,
Южный федеральный университет,
344006, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42;
e-mail: eblagorodova@sfedu.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема формирования идентичности жертвы в современной культуре. Речь идет не о реальных жертвах, а скорее о том, как сегодня человек сознательно конструирует данную идентичность. Понятие жертвы в данном ключе связано с понятиями угнетения и власти. Автор рассматривает эти понятия применительно к формированию и конструированию идентичности жертвы в современной культуре. Речь идет об идентичности жертвы как новом способе получения власти в современном мире. Данная тема анализируется через призму классических философских работ Ф. Ницше, Х. Арндт и М. Фуко. Рабская мораль Ф. Ницше, проблема идентичности и идеи сопротивления у М. Фуко рассматриваются в контексте формирования данной проблемы. Классические идеи не теряют актуальности в современной культуре и помогают понять причины и основные последствия формирования идентичности жертвы как проблемы для современного общества. Автором также рассматриваются современные работы западных исследователей культуры. Делается вывод о том, каким образом можно снизить остроту данной проблематики, и о том, какова роль культуры в этом вопросе.

Для цитирования в научных исследованиях

Благородова Е.А. Философско-культурологические аспекты проблемы угнетения и власти: к вопросу об идентичности жертвы // Культура и цивилизация. 2022. Том 12. № 5А. С. 730-737. DOI: 10.34670/AR.2023.42.66.017

Ключевые слова

Идентичность, жертва, политика, философия, угнетение, власть.

Введение

О проблеме идентичности говорят уже больше века в разных науках. В современной культуре, наряду с исследованием национальной, гражданской, гендерной или профессиональной идентичности, встает вопрос о формировании новой формы идентичности, а именно идентичности жертвы. В современной культуре жертва становится сложным объектом изучения, для которого недостаточно юридических и психологических исследований [Arfman et al., www]. При анализе данной проблемы стоит понимать, что существует большая разница между феноменом жертвы травмы или трагического события в жизни и человека, который считает себя жертвой, живет с мышлением жертвы и сознательно конструирует идентичность жертвы [Благородова, 2018].

Говоря о феномене современной культуры, мы касаемся вопроса именно сознательного конструирования такого типа идентичности. Вопрос, который волнует нас в рамках данной работы, заключается в том, чтобы разобраться, как связано понятие идентичности жертвы с проблемами угнетения и власти. Если жертва конструирует идентичность, испытывает ли она реальное угнетение? Над угнетенным всегда стоит угнетатель, тот, кто имеет над ним власть. Но в современной культуре идентичность жертвы приобретают как раз для того, чтобы получить желаемое, в том числе власть в определенном смысле. В отличие от «жертв» прошлого, которые скрывали свой статус, боясь насмешек и оскорблений [Colb, www], сегодня жертва требует признания. Она конкретна. Она желает, чтобы о ней знали и говорили. Так как же в действительности обстоит дело с понятиями угнетения и власти в вопросе идентичности жертвы?

Проблема власти в работах Ф. Ницше

Изучение феномена жертвы как формы современной политики и культуры можно рассматривать через призму классических философских идей Фридриха Ницше. В его работах мы можем найти понимание жертвенности через рассмотрение рабской морали. Основу современных идеологий составляет мотив равенства, который представляет собой пустую попытку уравнивать неравные вещи. Рабская мораль стимулирует поведение исходя из инстинкта толпы. Для нее необходимо делить людей на хороших и плохих. Страдание в этом случае является мерилем добра и зла. Восприятие жертвы как добродетели – фундаментальный мотив рабской морали. Хороший тот, кто не виноват. И вот такое различие между хорошими и плохими есть не что иное как проявление воли к власти [Sayar, www].

Фрэнк Фуреди показывает, что политика идентичности сегодня является доминирующей силой в западной общественной жизни. Ключевым нововведением в конструкции жертвы в 1970-х гг. было представление жертвы как безупречной. Понятие «безупречная жертва» наделяло самопровозглашенных жертв моральным авторитетом [Furedi, www]. Следовательно, со временем личность жертвы стала считаться почти священной [Благородова, 2021], жертва все чаще использовалась как моральное понятие.

Политические движения, которые до сих пор были привержены делу освобождения и социальных преобразований, начали воспринимать и представлять себя группами жертв. Они использовали призыв «верьте жертве» в качестве аргумента в пользу уважения и признания. Аргумент о том, что жертвы невиновны, был переформулирован как утверждение о том, что версия реальности конкретной идентичности не может быть подвергнута сомнению или

обсуждению. В этом смысле идентичность определяет, кто может иметь право голоса по вопросам, относящимся к определенной культуре [Furedi, www].

Догма веры в жертву была использована в качестве аргумента в пользу прекращения дискуссии по любому вопросу, который сторонники идентичности считают оскорбительным. С их точки зрения, любая критика причин, продвигаемых приверженцами идентичности, является культурным преступлением. Обязательство верить, а не критиковать лиц, заявляющих о себе как жертвах, оправдано терапевтическими соображениями. Считается, что критика представляет собой форму психологической повторной виктимизации и, следовательно, причиняет психические травмы и моральный вред. Этот терапевтически обоснованный аргумент против критического суждения и свободы слова рассматривает критику как нападение не только на взгляды и мнения, но и на человека, который их придерживается [Ibidem].

Таким образом, возвращаясь к работам Ницше, отметим, что слабость групп жертв становится их же силой перед лицом преследователей или угнетателей. Если групповая идентичность работает как постоянное напоминание о прошлом и проповедует месть, то она мешает человеку забыть и начать что-то новое, она не приводит к формированию ценностей и творческих действий. Ницше писал о том, что идентификация добродетели – это препятствие перед опытом. Если мы понимаем идентичность жертвы как добродетель, то мы подрываем путь для опыта и интерпретации, потому что только индивидуальный опыт – это путь к созданию ценностей [Sayar, www].

Политика жертвы создает добродетельный или идеальный статус жертвы в целях борьбы за власть, но при этом она препятствует созданию своих собственных ценностей через собственный опыт. Это формирует пассивное нигилистическое мировоззрение, а честность как самое близкое понятие к добродетели теряется в борьбе за статус жертвы.

Таким образом, понимая в терминах Ницше сегодняшнюю проблему идентичности жертвы, можно сказать, что эту проблему можно рассматривать как расширение рабской морали, которая централизует чувство обиды и стремление к мести. Возрастающая борьба за статус жертвы и есть сигнал о существовании рабской морали. Ницше согласился бы с тем, что жертва стала символом современного общества. Ницшеанская перспектива представляет нам решение, которое начинается только на индивидуальном уровне, а не на групповом или социальном; и ответ на вопрос, как можно преодолеть проблему свободы воли в политике жертвы, лежит в основе признания воли к власти, переоценки всех ценностей [Ibidem]. Забывчивость не в смысле полного неведения о тяжелом прошлом или терпимость к вреду, но в том смысле, что она способна проецировать на будущее лучшие возможности наряду с жизнеутверждением, также была бы важным элементом, позволяющим избежать дальнейшего конфликта и положить ему конец.

Тема жертвы и власти в работах Х. Арндт

Если обратиться к работам философа Ханны Арндт, то у нее мы обнаружим несколько иную трактовку идентичности. Идентичность – это не вопрос религии, этнической принадлежности или сексуальности, который работает как категория, включающая группы людей, но это то, что отличает одного человека от других из-за уникальности каждого человека. Это не то, что нас объединяет, а то, что отличает каждого из нас. Уникальность личности каждого – это то, что объединяет людей. При этом основной вопрос должен звучать не «Что я такое?», а «Кто я?». Отвечая на вопрос «Что я такое?» («Какой я?»), каждый из нас выбирает в

качестве ответа свою работу, какие-то творческие достижения, успехи и т. д. Но вопрос «Кто я?» не имеет отношения к нашим качествам, талантам или труду [Ibidem]. Арент подчеркивает, что ответить на этот вопрос можно только через Другого.

Понятие идентичности является интерсубъективным. Для ее подтверждения всегда нужен Другой. Именно поэтому сегодня мы говорим не просто о статусе «жертвы», а именно об идентичности. Используя этот термин, мы имеем в виду не некие общие особенности вида (группы), а скорее специфику отношений между разными группами. Сегодня они коренятся в представлении о каком-то неоплаченном долге, отсюда и формирование отношений жертвы и угнетателя (преступника) [Mitchell, www]. Когда мы говорим о представителях двух народов просто как о представителях разных видов (групп, коллективов, наций и т. д.), проблемы нет. Но когда мы имеем в виду отношения между ними, особенно если это две враждебные нации, то тут и происходит разделение на невинную жертву и виновника (преступника).

В культуре жертвы честь сочетается с высокой чувствительностью и пренебрежением одновременно. Сочетание высокой чувствительности с зависимостью от других побуждает людей подчеркивать или преувеличивать тяжесть своего статуса.

Категории, которые лежат в основе формирования культурной идентичности, приобретают политическую окраску. Для такой идентичности обязательно нужен не просто другой, подтверждающий эту идентичность. Нужен враг, который будет являться объединяющей чертой. Такое социально-политическое построение идентичности является мощным политическим инструментом, с помощью которого можно оправдать любые акты насилия [Enns, www].

Опасность этой ситуации заключается в том, что каждый представитель нации-угнетателя будет восприниматься как враг. На него изначально будет повешен соответствующий ярлык, основанный на признании акта насилия в прошлом. Страдания привлекают больше внимания в современном мире, а жертвы требуют признания и расширения своих прав. В итоге «жертвы» получают права, а «преступники» должны соглашаться с этим.

Арендт считает, что идентичность не может быть статичной, она не может являться средством достижения силы или демонстрацией власти, т. е. идентичность не может быть представлена как основа морального авторитета одних над другими. Страдание не может восприниматься как основа или определять личность субъекта. При этом понятно, что политическая власть обладает огромным потенциалом. Новые способы политических действий могут касаться самых деликатных и чувствительных тем посредством гражданского участия и общественного обсуждения [Sayar, www]. Но при этом не должно быть личного интереса или призыва к каким-то мстительным действиям. В терминах Арентд, ответ – это непредвиденное и неориентированное политическое действие, возникающее из публичной сферы, в которой условие множественности позволяет актору раскрыть свою идентичность через речь.

Преодоление идентичности жертвы предполагает:

- политические действия, позволяющие каждому человеку раскрыть свою самобытность, не сводя его к статусу потерпевшего;
- воздержание от мстительных действий и слов за или против других в общественной жизни;
- отказ от личной заинтересованности и отстранение от любого вида идеологической обработки (как на моральной, так и на рациональной основе);
- использование обещания и прощения для того, чтобы сохранить и развить потенциал политической власти [Ibidem].

Власть и жертва в работах М. Фуко

Анализ властных отношений французского философа Мишеля Фуко открывает новую перспективу исследований. Это вопрос между властными отношениями и сопротивлением. Власть состоит из действий всех нас. Власть анонимна. Она состоит из знаний и норм. Можно сказать, что мы составляем власть. А если это так, то политика жертвы – это результат развития властных отношений, воспроизводимых между всеми людьми. То, как Фуко рассматривает властные отношения, представляет собой другой способ понять жертву, ее политику и идентичность. Эти явления не могут быть прочитаны в бинарных противопоставлениях и предыдущих способах понимания власти. Вместо того, чтобы сосредотачиваться на различиях, основанных на жертве и преступниках, справедливых и несправедливых, законных и незаконных, моральных и аморальных, его анализ подчеркивает важность проведения анализа того, как отношения власти работают именно так, а не почему. В анализе Фуко власть не обязательно является плохой или злой, но она опасна. Политика идентичности, объединенная с жертвенностью, представляет собой идентичность, в которой человек отличается от других и также похож на них [Ibidem]. Благодаря способности действовать, в которой также возникают властные отношения, всегда можно действовать, чтобы ниспровергнуть нормы и установки.

Тами Аманда Якоби указывает на то, что в современной культуре люди превращают жалобы в коллективную идентичность. Человек может считать себя жертвой, если есть МЫ, которых оскорбили, с которыми он себя идентифицирует. Исследователь высказывает предположение о том, что культура жертвы распространяется в демократических странах, так как именно они позволяют формироваться идентичности, основанной на жалобах [Jacoby, 2014]. Демократические страны дают политическую свободу, равные права, защищают угнетенных. Жертва всегда связана с понятием прав. Демократия открывает возможность для выражения недовольства и гнева. Таким образом, именно жертва становится наиболее заметной идентичностью в демократических странах [Благородова, 2018]. После того как человек оказался в статусе жертвы, у него есть два пути – использовать свое горе в качестве политики жалоб или подавить горе в качестве политики обиды. В результате происходит развитие сознания, основанного на жалобах. Если у людей не будет выгоды от статуса жертвы, то и идентичность жертвы не будет повсеместной [Jacoby, 2014].

Возвращаясь к идеям Мишеля Фуко, политику жертвы также можно рассматривать как своего рода сопротивление влиянию властных отношений, которые одновременно индивидуализируют и объединяют индивидов. Человек может практиковать свободу в ходе сопротивления власти в силу способности действовать. Стратегия борьбы представляет собой силу, которая также будет устанавливать знания, создавать дискурсы, распространяющиеся на все человеческие отношения, и имеет как репрессивные, так и продуктивные измерения. В этом контексте сопротивление означает возможность проникнуть во все человеческие отношения, создав новый набор знаний и норм, которые могут преобладать над предыдущими. Политика жертвы может показаться освобождающей, она не является независимой от отношений власти и ее репрессивного поведения. Цель состоит в том, чтобы пролить свет на эту осторожность и найти альтернативы, чтобы смягчить опасность, исходящую от репрессивного поведения власти, и укрепить продуктивное [Sayar, www].

Фрэнк Фуреди пишет, что в своей нынешней форме политика идентичности направляет свою энергию на получение признания и уважения. Политика идентичности старой школы была нацелена на уничтожение политических, экономических и социальных барьеров и преодоление

дискриминации. Например, феминизм 1970-х гг. боролся за преодоление социальных барьеров, мешавших женщинам достичь равенства с мужчинами. Феминистки, которые требовали, чтобы с ними обращались так же, как с мужчинами, сильно отличаются от тех, кто подчеркивает и преумножает различия между полами и требует безопасных пространств и защиты от микроагрессии и плохо сформулированных комплиментов [Furedi, www].

Заключение

Социально-политическое конструирование идентичности жертвы сошло с политикой идентичности и благодаря своему коллективному аспекту приобрело политическую значимость в современной культуре. Жертва может служить основанием для онтологического превосходства в политике, она становится предметом конкуренции. Идентичность жертвы – это не просто самовосприятие, это социально-политическая конструкция. Публичное признание жертвы в силу своего коллективного опыта является политическим. Помимо борьбы за власть, она также может быть использована для поддержания власти.

Сегодня политика идентичности больше не направлена на преодоление политических или социальных барьеров. Теперь она нацелена на получение признания и уважения. Получая это, индивид, социальное движение или даже народ в целом получают власть. Только страдание привлекает внимание большинства. Сегодня в этой борьбе уже нет привычного видения плохого и хорошего, правильного или неправильного, героя или злодея. Быть жертвой в современной культуре – значит иметь особый политический статус, который не имеет отношения к реальному физическому угнетению. Из обезличенной жертвы она превращается в конкретную. Интернет становится ареной, на которой каждый человек может найти основания для идентичности жертвы. Таким образом, жертвы из угнетенных сами нередко становятся угнетателями, а проблема конструирования идентичности жертвы все чаще уходит в политическую плоскость и становится огромным преимуществом в борьбе за власть.

Библиография

1. Благородова Е.А. Идентичность жертвы: новый тренд культуры (теоретический анализ) // Международный журнал исследований культуры. 2018. № 4. С. 233-242.
2. Благородова Е.А. Культура «жертвы» как новая социокультурная реальность // Материалы III Всероссийской научной конференции с международным участием «Утопические проекты в истории культуры». Ростов-на-Дону, 2021. С. 219-221.
3. Arfman W., Mutsaers P., Van der Aa J., Hoondert M. The cultural complexity of victimhood. URL: https://www.tilburguniversity.edu/sites/default/files/download/TPCS_163_Arfman-Mutsaers-VdrAa-Hoondert_2.pdf
4. Colb S.F. Breaking down “identity politics”. URL: <https://verdict.justia.com/2019/04/24/breaking-down-identity-politics>
5. Enns D. Identity and victimhood questions for conflict management practice. URL: <https://reliefweb.int/report/world/identity-and-victimhood-questions-conflict-management-practice>
6. Furedi F. The hidden history of identity politics. URL: <https://www.spiked-online.com/2017/12/01/the-hidden-history-of-identity-politics/>
7. Green D.G. We’re (nearly) all victims now! How political correctness is undermining our liberal culture. URL: <http://www.civitas.org.uk/pdf/Victims.pdf>
8. Jacoby T.A. A theory of victimhood: politics, conflict and the construction of victim-based identity // Millennium: journal of international studies. 2014. Vol. 43. No. 2. P. 511-530.
9. Mitchell J. Why Conservatives struggle with identity politics. URL: <https://www.nationalaffairs.com/publications/detail/why-conservatives-struggle-with-identity-politics>
10. Sayar E. The problem of agency in the politics of victimhood: Nietzsche, Arendt, and Foucault. URL: https://acikbilim.yok.gov.tr/bitstream/handle/20.500.12812/228184/yokAcikBilim_10218625.pdf?sequence=-1

Philosophical and culturological aspects of the problem of oppression and power: on the victim identity

Elena A. Blagorodova

PhD in Philosophy,
Associate Professor at the Department of the theory of culture, ethics and aesthetics,
Southern Federal University,
344006, 105/42 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: eablagorodova@sfedu.ru

Abstract

The article aims to study the problem of victim identity formation in modern culture. The author of the article does not deal with real victims, but rather with how a person consciously constructs this identity. The concept of victim in this way is connected with the concepts of oppression and power. The author considers these concepts in relation to victim identity formation and construction in modern culture. The victim identity is viewed as a new way of gaining power in the modern world. This topic is analyzed in the works of such philosophers as Friedrich Nietzsche, Hannah Arendt, and Michel Foucault. The slave morality of Friedrich Nietzsche, the problem of identity and the ideas of resistance in Michel Foucault's works are considered in the context of the formation of this problem. The article points out that classical ideas do not lose their relevance in modern culture. They help to understand the causes and consequences of the problem of victim identity formation for modern society. The article also carries out an analysis of a number of works by modern Western cultural researchers. The author makes an attempt to determine the ways of reducing the severity of this problem and to identify the role of culture in this issue.

For citation

Blagorodova E.A. (2022) Filosofsko-kul'turologicheskie aspekty problemy ugneteniya i vlasti: k voprosu ob identichnosti zhertvy [Philosophical and culturological aspects of the problem of oppression and power: on the victim identity]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 12 (5A), pp. 730-737. DOI: 10.34670/AR.2023.42.66.017

Keywords

Identity, victim, politics, philosophy, oppression, power.

References

1. Arfman W., Mutsaers P., Van der Aa J., Hoondert M. *The cultural complexity of victimhood*. Available at: https://www.tilburguniversity.edu/sites/default/files/download/TPCS_163_Arfman-Mutsaers-VdrAa-Hoondert_2.pdf [Accessed 20/10/22].
2. Blagorodova E.A. (2018) Identichnost' zhertvy: novyi trend kul'tury (teoreticheskii analiz) [The victim identity: a new cultural trend (theoretical analysis)]. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury* [International journal of cultural research], 4, pp. 233-242.
3. Blagorodova E.A. (2021) Kul'tura "zhertvy" kak novaya sotsiokul'turnaya real'nost' [Victimhood culture as a new sociocultural reality]. *Materialy III Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Utopicheskie proekty v istorii kul'tury"* [Proc. 3rd Conf. "Utopian projects in the history of culture"]. Rostov-on-Don, pp. 219-221.
4. Colb S.F. *Breaking down "identity politics"*. Available at: <https://verdict.justia.com/2019/04/24/breaking-down-identity->

-
- politics [Accessed 20/10/22].
5. Enns D. *Identity and victimhood questions for conflict management practice*. Available at: <https://reliefweb.int/report/world/identity-and-victimhood-questions-conflict-management-practice> [Accessed 20/10/22].
  6. Furedi F. *The hidden history of identity politics*. Available at: <https://www.spiked-online.com/2017/12/01/the-hidden-history-of-identity-politics/> [Accessed 20/10/22].
  7. Green D.G. *We're (nearly) all victims now! How political correctness is undermining our liberal culture*. Available at: <http://www.civitas.org.uk/pdf/Victims.pdf> [Accessed 20/10/22].
  8. Jacoby T.A. (2014) A theory of victimhood: politics, conflict and the construction of victim-based identity. *Millennium: journal of international studies*, 43 (2), pp. 511-530.
  9. Mitchell J. *Why Conservatives struggle with identity politics*. Available at: <https://www.nationalaffairs.com/publications/detail/why-conservatives-struggle-with-identity-politics> [Accessed 20/10/22].
  10. Sayar E. *The problem of agency in the politics of victimhood: Nietzsche, Arendt, and Foucault*. Available at: https://acikbilim.yok.gov.tr/bitstream/handle/20.500.12812/228184/yokAcikBilim_10218625.pdf?sequence=-1 [Accessed 20/10/22].